

УДК 821.191.1.09

ЗАХАР ПРИЛЕПИН: МОДЕЛИ И СТРАТЕГИИ АПЕЛЛЯЦИИ К ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Е. В. Задонская

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье рассматриваются связи творческого самовыражения З. Прилепина как автора произведений о войне с толстовской традицией в контексте художественно-публицистического творчества. Анализу подвергаются модели следования классической традиции или её критического осмысления на уровне создания собственно авторских художественных стратегий.

Ключевые слова: *традиция, батальная проза, публицистика, житнетворчество, эстетическая концепция, авторские стратегии*

В немногочисленных исследованиях по проблеме изучения современной батальной прозы намечены узловые моменты, продуктивные для анализа разнородных по своим идейно-эстетическим принципам произведений. В частности, отмечается, что авторы современной прозы о войне испытывают очевидное влияние классической традиции литературы XIX века и «лейтенантской прозы» [1; 3; 5]. С другой стороны, произведения таких авторов, как З. Прилепин, создаются в русле массовой литературы и, соответственно, не могут не зависеть от законов создания художественного текста для массового читателя.

В контексте апелляции к массовому читателю следует рассматривать стремление авторов трансформировать или усвоить известную им традицию изображения и художественно-философского осмысления войны. По наблюдению И. И. Саморукова, «классика играет в литературной культуре роль своеобразного горизонта, к которому устремлены взгляды писателей и массовой, и инновационной литературы, и произведений, ориентирующихся на «продолжение традиций» [11, с. 23].

Прецедентными писателями для массовой литературы стали прежде всего Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов. Художественные практики современных авторов часто совмещаются с публицистическим и литературно-критическим творчеством, что позволяет судить об особенностях их мировосприятия и художественной картины мира.

З. Прилепин неоднократно высказывал в своих интервью мысль о преимуществах по отношению к русской классической мыслительной и литературно-художественной традиции. В частности, он сформулировал ряд положений о идейной «слабости» современной литературы, которая не в состоянии подняться до эпического осмысления действительности, характерной для творчества Л. Н. Толстого: «Какие-то случайные вспышки, и до сих пор нет никакого подобия ни "Тихого Дона", ни "Войны и мира"... Эпического осмысления событий пока не произошло» [8].

Известно, что все работы Прилепина о войне носят мемуарно-биографический характер, в них отразились личные переживания автора, участвовавшего в чеченской кампании. Этот жизненный опыт даёт автору моральное право формулировать суждения о современности и национальных

судьбах в публицистике. По сути, Прилепин реализует биографическую модель Л. Н. Толстого: при этом он не выстраивает подражательной схемы, более того, ему свойственно критическое осмысление наследия великого предшественника. Однако во многих своих интервью он рассуждает о патриотизме и о войне, отталкиваясь от толстовских суждений, чтобы продемонстрировать своё собственное понимание философии и эстетики Толстого, заявить о том, что многие аспекты мировидения этого автора были недостаточно объективно интерпретированы филологической наукой.

Так, он откровенно иронизирует над тем, что декларируемые взгляды великого писателя на проблему патриотизма и его мироощущения очевидным образом не совпадали: Толстой воевал в Чечне и в Севастополе, «но закончить можно тем, что этот бородатый антипатриот плакал в 1904 году, когда сдавали Порт-Артур» [10]. Он очень хотел, чтобы русская армия победила, и это «позорное» чувство патриотизма, довело его аж до слез. Если почитать дневники Толстого, можно найти множество записей сугубо патриотического толка [10]. Анализ этико-эстетической программы Толстого позволяет Прилепину в обосновании собственных убеждений, которые могут быть восприняты неоднозначно. Классик в этом случае является не столько оппонентом, сколько авторитетной фигурой, подтверждающей правоту его суждений и жизненных решений.

3. Прилепин в своём романе о чеченской войне «Патологии» в одном из сюжетов вовлекает читателя в религиозный спор о знаменитом положении христианского вероучения «Не убий», которое не единожды становилось предметом авторской рефлексии в художественном и публицистическом творчестве Л. Н. Толстого. Герои 3. Прилепина рассуждают о том, что актуальность религиозной заповеди обесценилась для большинства людей, которые перестали ощущать себя в рамках национально-религиозной культуры, предполагающей принятие ряда догматов. Интересно, что диалог Монаха (прозвище одного из героев романа) и автора-повествователя построен таким образом, что симпатии читателя оказываются на стороне автора-повествователя, умеющего облечь свой религиозный скептицизм в весьма понятные доводы («Бог дал человеку волю бороться со злом, и разум, чтобы он мог отличить напрасный гнев от гнева ненапрасного»; «Если на все Божия воля, так ты не умывайся по утрам: бог тебя умоёт. И подмоет. Не ешь: он тебя накормит. Не лечи своего ребенка: он его вылечит. А? Но ты же умываешься, Монах! Ты же набиваешь пузо килькой, презрев божию волю! Может, он вообще не собирался тебя кормить?») [7, с. 184]).

Анализируемый диалог является важным элементом художественного замысла автора, который ходом романного повествования об ужасах чеченской войны стремится объяснить, в чём его герои видят моральную поддержку, что позволяет им оправдывать неизбежную жестокость войны и собственных поступков. Тезис о том, что человек «может отличить напрасный гнев (то есть несправедливый) от ненапрасного (то есть справедливого)» вступает в спор со знаменитым толстовским убеждением о том, что не существует оправдания нарушению религиозно-нравственной нормы.

В статье «Не убий никого» Л. Н. Толстой высказывает хрестоматийно известную мысль о том, что никакие политические или иные другие ситуации не отменяют для человека следования нравственному закону: «Ужасно то душевное, умственное расстройство, которое лежит в основе всех этих бедствий. Ужасно то,

что большинство русских людей живет без какого бы то ни было нравственного или религиозного, обязательного для всех и общего всем закона: одни, признавая религией отжившие, не имеющие уже никакого разумного смысла, ни, главное, обязательного для поведения значения старинные верования, руководятся в жизни только своими соображениями и вкусами; другие же, признавая ненужность каких-либо верований (религий), точно так же руководятся только своими самыми разнообразными соображениями и желаниями. Так что большинство людей, действующих теперь в России, под предлогом самых разноречивых соображений о том, в чем заключается благо общества, в сущности, руководятся только своими эгоистическими, почти животными побуждениями» [12, с. 38]. Именно с этим тезисом великого писателя спорит автор романа «Патологии», выстраивая устами автора-повествователя такую парадигму рассуждений, которая позволяет ему найти прагматически обоснованный выход из тупика нравственных сомнений.

Автор романа предпринимает попытку разрешить конфликт художника и мыслителя, который, по мнению ряда исследователей второй половины XX века, был характерен для толстовского «Хаджи-Мурата»: «Своеобразие «Хаджи-Мурата», сравнительно с другими произведениями позднего Толстого, заключается в том, что идея непреклонной борьбы «до последнего» звучит в повести как основной мотив, объективно опровергая проповедь «непротивления злу насилием» [6, с. 20].

3. Прилепин, выступая в качестве публициста, сформировал позицию, которая не противоречит его художественному творчеству: «То, что сегодня происходит с русским человеком, – самые прямые последствия распада сознания, который коснулся всех. За несколько десятилетий мы с нездоровым сладострастием разрушили все мифы, что крепили национальное сознание, а теперь озираемся диковатыми глазами и говорим: «Озверел народец-то, озверел». Ну а как ему не озвереть, когда он не знает, кому поверить, где сердце успокоить, когда вся история наша оказалась чередой правления бездарей и кровавых параноиков, и живём мы в чёрной дыре с вечным рабом в душе, и всякая традиция у нас поругана, вплоть до традиции рожать детей и свою землю беречь» [8].

Однако для Прилепина – создателя произведений о чеченской войне и публициста – существует также убеждение в том, что нравственный закон во многом подчинён идее государственности, патриотичности: «Россия – это империя, и иначе она не существовала, и существовать не может. Это доказала прежде всего русская литература, и Достоевский, и Толстой, и Чехов, и Бунин. Нынешние антиимперские литературные либералы либо никогда не читали ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Хлебникова, либо делают вид, что ничего имперского в них не увидели. Вся наша литература со "Слова о полку Игореве" до Юрия Кузнецова наполнена сверхимперским мироощущением. Все творчество Льва Толстого, что бы он ни писал в своей поздней публицистике, – державно» [10]. Как видим, Прилепин, осмысляя литературно-публицистическое наследие Л. Н. Толстого, ощущает наличие конфликта публицистической мысли и художественного содержания. Сам Прилепин стремится заявить единство позиции мыслителя и художника.

Концепция смыслов романа «Патологии» выстраивается в том числе на системе оппозиций *свой – чужой*, неизбежной для произведений о военном противостоянии. В одном из современных исследований указывается на то, что «в соцреалистической эстетике образ врага формировался в черно-белой палитре – согласно коммуникативно-кодирующей системе советской литературы. Главное в

этом образе – полная дегуманизация, отсутствие в нем человеческих черт, какой-либо персонифицированности [1, с. 12]. Смена иерархии ценностей, произошедшая в «лейтенантской прозе», нарушила доминирующий метод «двухцветного письма». Образ врага изменяется – гуманизируется и персонифицируется. В современной военной прозе нет четкого образа противника. У Бабченко, Прилепина, Карасева враги обрисованы одинаковыми эмоциональными штрихами: «хмурые», «черти», «бесы», «злые», «бородатые чудовища», «твари, хохочущие дико и нелепо». Внутренние импульсы действий противников, их психология остаются малопонятными современному солдату, обеспокоенному собственными переживаниями и мотивировками [1, с. 12]. Консолидируясь с автором приведённого суждения, возможно указать на то, что образ врага в современной прозе о войне формируется как глубоко чуждый концепции гуманистического осмысления бытия.

Прежде всего следует указать на то, что, например, в романе З. Прилепина образ врага – это не только и не столько образ солдата, но прежде всего образ женщины. Стоит отметить, что такой подход может быть объяснён тем, что *свои* и *чужие* взаимоотражаются в восприятии автора – повествователя, который, будучи рядовым участником событий, понимает логику поступков, пусть и самых жестоких, противника. Происходит некое уравнивание, что в определённом смысле мешает автору выстроить оппозицию *свой – чужой*. Именно женские образы в изображении З. Прилепина сконцентрировали в себе энергетику ненависти, не свойственную женскому характеру.

И если образы мужчин действительно «обрисованы штрихами», то женские – имеют детализированные портретные характеристики, отражающие их психологию. Образы женщин представлены в романе Прилепина в характерной для его литературных предшественников манере акцентирования внимания на невербальных деталях. Указание на это обстоятельство находим, в частности, в диссертации З. И. Гасановой «Кавказский горный менталитет в русской литературе XIX века», где тщательному анализу подвергаются специфические для горцев невербальные средства общения и выражения отношения к происходящему в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» [4, с. 15]. В «Хаджи-Мурате» автор прежде осмысливает инаковость как качество жизни *другого*, не обязательно враждебного. В современной массовой литературе о войне драматизм противостояния исключает элемент понимания другой культуры. Отсутствие в женских образах, представленных в романе Прилепина, традиционных черт материнского сострадания, неприятия вражды и ненависти, делает их глубоко символическими, созвучными жестокому времени.

Разделение на *своих* и *чужих* в современной военной прозе становится драматичнее, чем в литературе прошлых десятилетий. Этот тезис, обоснованный анализом ряда произведений, выдвинутый Аристовым, нуждается в некоторой корректировке, учитывающей публицистическую позицию таких авторов, как З. Прилепин. Для этого автора характерны рассуждения о том, что именно война влияет на самосознание как отдельного человека, так и нации в целом. Ощущения воюющего человека не могут быть оценены только как жестокие и безнравственные.

По мнению В. Б. Волковой, именно взаимодействие «различных типов дискурса – художественного и мифологического» [2, с. 28] способствует обнаружению особенностей мировосприятия героев военной прозы. В нашем случае герой осмысливает оппозицию *свой – чужой* как в эстетическом

пространстве картины, так и в пространстве традиции художественной интерпретации проблемы человека на войне.

Список литературы

1. Аристов Д. В. Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформации: автореф. дисс. ... канд. филол. Наук. Пермь: ПГГ-ПУ, 2013. 53 с.
2. Волкова В. Б. Концептосфера современной военной прозы: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург: УФГУ, 2014. 43 с.
3. Выговская Н. С. Молодая военная проза втор. пол. 1990–нач. 2000-х гг.: имена и тенденции: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2009. 194 с.
4. Гасанова З. И. Кавказский горный менталитет в русской литературе XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала: ДагГУ, 2009. 21 с.
5. Довлеткиреева Л. М. Современная чеченская «военная» проза: историко-культурный контекст, жанровый состав, поэтика (1990–2010 гг.): дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала: ДагГУ, 2010. 210 с.
6. Куркина Т. Н. Повесть «Хаджи-Мурат» в свете художественных исканий Л. Н. Толстого: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 2002. 23 с.
7. Прилепин З. Патологии. М.: АСТ: Астрель, 2011. 349 с.
8. Прилепин З. Российский выбор: доброта или жестокость? «Так жить нельзя!» А как можно? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/pressa/intervyu/zavtra.html> (Дата обращения: 26.02. 2013).
9. Прилепин З. Я живу в глуши: эксклюзивное интервью с писателем Захаром Прилепиным [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/ru/pressa/intervyu/zavtra.html> (Дата обращения: 26.02. 2013).
10. Прилепин З. Я был и остаюсь омовцем, нацболом и русским писателем [Электронный ресурс]. URL: <http://gorodlondon.com/original/?p=69> (Дата обращения: 29.02. 2013).
11. Саморуков И. И. Массовая литература: проблема художественной рефлексии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара: СГУ, 2006. 33 с.
12. Толстой Л. Н. Не убий никого // Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 37. М.: ГИХЛ, 1956. С. 38–56.

ZAKHAR PRILEPIN: MODELS AND STRATEGIES TO APPEAL TO THE LITERARY TRADITION

E. C. Zadonskaja

Tver State University

The department of journalism, advertising and public relations

The article discusses the connection between the creative expression Zakhar Prilepin as the author of works about the war with the Tolstoyan tradition in the context of journalistic creativity. The analysis focuses on the model following the classical tradition or critical reflection on the level of creating the actual artistic strategies.

Key words: *tradition, battle prose, journalism, life and creativity, aesthetic concept, the author's strategy*

Об авторе:

ЗАДОНСКАЯ Елена Вячеславовна – соискатель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ez1404@mail.ru